

УБОЙНАЯ СИЛА

РИКОШЕТ
АНДРЕЙ
КИВИНОВ

Улицы разбитых фонарей

Андрей Кивинов

Сделано из отходов

«Автор»

Кивинов А. В.

Сделано из отходов / А. В. Кивинов — «Автор», — (Улицы
разбитых фонарей)

© Кивинов А. В.

© Автор

Содержание

ГЛАВА 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Андрей Кивинов

Сделано из отходов

ГЛАВА 1

Щелк!

«Бычок» – хабарик, запущенный в полет хорошо поставленным движением указательного пальца, произвел посадку в мокрой траве и плаксиво зашипел.

– А помнишь Аньку из параллельного? Она сейчас в Штатах. За папика богатого выскочила. Жалко. Клевая бабеч. Я ее как-то вечерком во двореке прижал к стеночке. Торч!

– А я Светку типа люблю.

– Типа?

– Ну, как бы.

– Рыжову?

– Ага. Тоже торч.

– А она?

– Не. Дразнится только.

Второй «бычок» приземлился рядом с первым.

– Да ну?! Как не любит?! Ты нормально просил-то?

– Я ее в мороженицу приглашал.

– И что?

– Не пошла.

– Во, морковка! Давай я с ней побазарю. Чего выкобенивается? Шоугерл рыночная.

Заташу во дворик и объясню – либо с Дыней в мороженицу идешь, либо морду ножиком накрашу. Не пойму я баб. Чего им надо.

– На фиг мне Светка с порезанной рожей? Она некрасивая будет по жизни.

– Торчу я с тебя, Дыня. Ты и рыбку хочешь съесть и бутылки сдать.

– Какие бутылки?

– Из-под «фанты», блин.

Дыня заторможенно уставился на приятеля, по обыкновению «уронив» нижнюю челюсть и пытаясь выстроить логическую цепочку «Светка-„фанта“».

За эту особенность вытягивать личико в критические для мозга мгновения Дыня и получил свое забавное прозвище. Впрочем, он никогда не обижался на эту, в общем-то, позорную кличку – по той причине, что ничего позорного в ней не находил. Ну, Дыня... Не Урюк ведь. Не Помидор какой...

Недавно он переступил двадцатилетний рубеж, по коему поводу нажрался до крайности вместе с сидящим рядом пареньком. Банкет устроили в парадном старинного особняка, на широком подоконнике украшенного витражом окна с видом на Неву. Для придания торжеству надлежащего уровня Дыня приволок из подвала жившего там бомжа и, повесив ему на шею бабочку из бумаги, заставил прислуживать на банкете. «Чо, мы не люди, в натуре?»

Через час юбиляра, гостей и прислугу прибрал к рукам местный участковый, вызванный бездушными жильцами особняка. Дыня расстроился и пригрозил спалить особняк вместе с «фискальными крысами», но угрозу свою не выполнил по причине отсутствия денег на бензин. Деньги были больной темой в его взаимоотношениях с обществом. Общество денег не давало, а жить хорошо хотелось. Само собой, вину за эту боль Дыня возлагал на общество и на нем же отыгрывался.

В положительной части его двадцатилетнего баланса находилась пятерка по начальной военной подготовке (бег в противогазе), полученная в восьмом классе, а в отрицательной – все остальное. В восемнадцать лет юноша получил приглашение из военкомата, которое сложил «голубем» и запустил с балкона. Больше по данному вопросу отличника начальной военной подготовки никто не доставал, а сам отличник при слове «армия» ронял челюсть, произнося любимое: «Чево-о-о?»

– А мне знаешь кто нравится?

– Ну?

– Алисия Сильверстоун.

– Кто?!

– Алисия Сильверстоун. Я бы ее хоть вот здесь, прямо на траве. И так, и так, и даже вот так.

Собеседник показал приблизительную позу, в которой мечтал соблазнить американскую актрису.

– Клевая коза. Каждую ночь снится, бестия.

– Мне Светка тоже снится, – поддержал тему Дыня. – И все время голая.

– Ладно, кончай о блядях. Сколько натикало?

Дыня извлек из ватника круглый, громко тикающий будильник и поднес циферблат к близоруким глазам.

– Без десяти.

– Все, пора.

Любитель Алисии Сильверстоун поднялся с насыпи и направился к кустам, тянувшимся вдоль железнодорожного полотна. По другую сторону кустов начинался крутой овраг, поросший иван-чаем и усеянный белыми камнями.

Никого, кроме вышеупомянутой парочки, на линии горизонта не наблюдалось. Как и требовалось в настоящую минуту. То, что лишние глаза нынче неуместны, понимали даже непробиваемые мозги Дыни. Он тоже поднялся с насыпи и вслед за приятелем пошел к кустам.

Приятель имел более благородную кликуху – «Боб», происходящую непосредственно от имени Борис. В паре «Дыня-Боб» он нес почетную миссию лидера. Хотя бы потому, что знал, кто такая Алисия Сильверстоун.

Сегодняшняя затея также принадлежала Бобу. Дыня в силу субъективных причин был просто-напросто не способен рожать гениальные идеи. Зато он всегда соглашался и без вопросов выполнял порученную миссию, благо распечатал девяностый килограмм чистого веса. Мозгов Боба, которые, впрочем, тоже нельзя было отнести к высшему сорту, вполне хватало на двоих. Таким образом, союз силы и ума делал парочку весьма боеспособной и устойчивой к социальным кризисам.

Однако даже Боб, которого постигла муза, не сразу решился изложить Дыне свою идею, а начал заход издалека, прощупывая почву в голове компаньона.

– А что, Дыня, денег-то нет?

– Нет.

– А почему их нет?

– Не знаю.

– Так я тебе скажу. Потому что сволочи из Кремля по полгода не платят старухам пенсии!

Дыня хлопал глазами и молча кивал, соглашаясь с Бобом.

– Нынче всем трудно, – продолжал Боб. – Кризис в стране. Произошло сращивание политических кругов с криминальными.

От таких слов в голове Дыни закрутились необратимые процессы, могущие привести к трагедии, поэтому Боб вовремя тормознул.

С пенсиями Дыня сообразил без подсказок. Они с Бобом напрямую зависели от своевременности их выплат. В нужные дни подгребали к сберкассе, брали на заметку какую-нибудь счастливую бабулю, провожали до дому и, скромно потупясь, отбирали в подъезде кошелек с деньгами.

Риск этого незатейливого промысла сводился к нулю, бабули даже не верещали, успокоенные до смерти одним внешним видом молодого Дыни. Верещали они уже потом, придя в себя, но потом не считается: не пойман – не Дыня. Тьфу-тьфу, с ментурой по поводу этих маленьких шалостей проблем пока не возникало. Хотя и Дыня, и Боб еще с двенадцати лет состояли на учете в местном отделении, на предмет старушек власть им претензий не предъявляла. Может, старушки и не ходили в ментовскую, а может, им не хватало памяти для воспроизведения в протоколах внешности героев. Какая, в принципе, разница?

Но вскорости в двери постучался правительственный кризис, приведший к дефициту пенсионного фонда, поэтому парочке пришлось срочно компенсировать свои материальные потери новым видом предпринимательской деятельности.

– А что делать? – оправдывался перед общественностью Боб. – Не идти же на улицу с плакатами протеста? Кто во всем виноват? Мы? Виноваты те, кто разворовал Россию. Почему сидящий в кожаном кресле чиновник может грабить, а Боб с Дыней не могут? Чем Боб с Дыней хуже? Боб с Дыней лучше! У них банковских счетов нет, они по прожиточному минимуму берут.

Общественность молча соглашалась. Насчет Дыниной реакции на его новый проект Боб опасался абсолютно напрасно. Выслушав компаньона, Дыня поднял большой палец и промычал:

– Кла-а-а-с-с!

В связи с простотой исполнения операция отнимала минимум материальных средств, зато сулила мгновенное обогащение. Дыня мечтал купить «порше», чтобы покорить сердце хохотушки Рыжовой, а Боб вообще ни о чем не мечтал. Никогда. Не любил.

– Хватайся.

Дыня взялся за свободный конец рельса, и приятели потащили железяку к насыпи.

– Как ложить-то?

– Прямо так и положим.

– Поперек?

– Да какая в зад разница?! Через минуту рельса упала на железнодорожные шпалы.

– Погоди, еще пять минут. Как бы не засекли...

– Кто тебя тут засекет, Дыня? На пять кэ-мэ, кроме тощих кроликов, ни одной живой души.

Дыня потер натруженное плечо. Насчет пяти кэ-мэ это точно. Вся физическая сторона проекта легла на Дынину широкую спину. Тащить по полям эту железяку... У Боба, видишь ли, какой-то енурез, тяжести нельзя поднимать.

Боб опустился на колени и приложил ухо к холодной земле.

– Едет... Тьфу, сука, перепачкался, вонять буду.

Боб плюнул на рукав джинсовки и попытался отскоблить мазутное пятно. Потом вновь ухватился за принесенный ими рельс.

– Давай... Да не так, урод!

– Чего ты обзываешься?

– Поправь, поправь. Все, отваливаем. Рельс лег поперек железнодорожного пути.

– Может, привязать? – предложил Дыня.

– Если только к твоему концу, – ответил Боб на ходу, сбегая по насыпи к кустам.

Дыня тупо посмотрел на рельс и скатился следом.

Добежав до кустов, парочка свернула влево и понеслась со всех ног подальше от оставленного на путях рельса. Пробежав метров двести, Боб остановился, перевел дух и поднес палец к губам.

– Тихо... Во, слышишь? Ползет. Оба приятеля спрыгнули в заранее облюбованную ложбинку и залегли в траву.

Со стороны Москвы приближался пассажирский скоростной экспресс.

«Твердой поступью на площадь выходит колонна участковых инспекторов. Вот они – гроза тунеядцев и пьяниц, мелких хулиганов и нарушителей санитарии! В строю как молодежь, так и ветераны. В первом ряду, с переходящим вымпелом в руках, марширует заслуженный участковый России, майор милиции Безбородный Иван Тимофеевич. Более двадцати лет он с гордостью носит милицейский китель. В этом году им составлен миллионный протокол на нарушителей порядка. С юбилеем вас, уважаемый Иван Тимофеевич! А рядом с ним совсем молодой участковый инспектор, только что закончивший с отличием школу милиции. Он еще не успел понюхать аромат чердаков и подвалов, его еще не обзывали „легавой сукой“, но у него все впереди.

Вот так, плечом к плечу, и стар и млад, идут на смертельную борьбу с преступностью наши доблестные участковые. Ура-а-а!...»

– Потихе, Саша, потихе.

– Что потихе? Телик? Тогда не охай так.

– Нет, ты потихе... Вот так, вот так, ах... «А следом за колонной участковых ровными шеренгами выходят на парад кинологи. Рядом с ними их верные четвероногие друзья, бескорыстные и преданные. Где человек бессилен, там поможет собака. Посадить бандита не посадит, но хоть покусает. Сколько их, достойных продолжателей дела легендарного Мухтара? И не сосчитаешь...»

– Ах, Саша, ах, еще, еще!.. Господи, как хорошо...

– Больше ничего интересного не вспомнила? О-о-о...

– Сейчас, сейчас... Я Витьку Гнutoго вчера на дому подстригала. Он «стрелку» по телефону забивал. Послезавтра возле стадиона. Какой-то магазин не поделили. А-а-а...

– Понял. Больше ничего?

– Не-е-е...

– У-у-у... На-та-ха...

«На площади появляются машины эксперт-но-криминалистической службы. Тяжелая, так сказать, артиллерия. Каждая машина оснащена по последнему слову техники. Внутри, склонившись над микроскопами, выявляют следы преступлений зоркие дактилоскописты, рядом с ними проявляют пленки фотографии. И можно с уверенностью сказать, как бы ни заметал следы нарушитель закона, а все не заметет. И что он не заметет, будет найдено, закреплено и положено в фундамент обвинения нашими экспертами...»

– Еще, еще!..

Трещит телефон.

Саша дотягивается до трубки.

– Алло-о-о. Ну?

– Шурик, это Рома. Ты не очень занят?

– Относительно.

– Слушай, у меня беда. Ствол не могу найти. Посмотри, может, в столе оставил.

– Хорошо, посмотрю. Все?

– Погоди, Шура. Если в столе не будет, загляни в сортир.

– Ну ты дал!!!

– Случайно вышло. Автоматически. Я когда приземляюсь на толчок, ствол с ремня снимаю, чтобы не мешал. А назад, наверное, сунуть забыл. У меня был тяжелый день.

– Ладно, гляну.

– Я перезвоню минут через десять, хорошо? «Парад подходит к своему апогею, колонны замерли перед трибуной, сейчас слово возьмет министр. В бессильной злобе смотрит преступный мир на происходящее...»

– Все-е-е... Ух.

– Что-то случилось, Саша?

– Все нормально, детка. Отдыхай. Я сейчас подойду.

Оперуполномоченный уголовного розыска Александр Сергеевич Стрельцов, на ходу застегивая ремень, вышел в коридор, достал из кармана складной ножик, сунул лезвие в щель между соседней дверью и косяком и, секунды две повозившись, открыл замок. Он не мешкая подошел к столу, выдвинул поочередно ящики и, мрачно ухмыльнувшись, прошептал:

– Долболоб.

Пришлось идти в туалет. Версия коллеги блестяще подтвердилась. Табельный пистолет всем известной системы лежал слева от унитаза, на канализационной трубе, слившись с ней, как хамелеон – с окружающей средой. Что и спасло раздолбая Рому от служебного расследования, увольнения из органов, а возможно, и от уголовной ответственности. Оружие с полным боекомплектом находилось в отхожем месте как минимум час, но осталось незамеченным ни начальством, ни личным составом, ни задержанными по разным поводам дураками.

Стрельцов поднял пистолет, протер его от влаги куском валявшейся рядом газеты и сунул за ремень. Наберут детский сад в милицию... С Романа Борисыча без вопросов пузырь «Наполеона».

Вернувшись в кабинет, Стрельцов, помимо Наташи, застал там уважаемого начальника отдела Листопада Германа Андреевича, служившего аж в звании подполковника.

– Ну-ка, выдь сюда, голубок, – Листопад указал на дверь.

В коридоре шеф, гневно сжав кулаки, зашептал Стрельцову в лицо:

– Сколько можно с бабами, а? Как ни зайду, сидят – ногами сверкают. Ты не о бабах должен думать, товарищ инспектор, а о повышении раскрываемости преступлений. Охренел совсем, да? Меры не знаешь? Гляди, ковбой, доскачешься.

– Да я... Рабочий день...

– Превратил отдел в публичную библиотеку, тьфу, мать твою, в цветник. А почему дела на полу валяются? У тебя сейфа нет?

– Случайно, – пожал плечами Шура. – Со стола уронились.

– Вышибу, понял?

– Как не понять?

Листопад повернулся и взял курс на дежурную часть.

«Дела, дела, – обиженно подумал Шурик. – „Кукушки“ нет, даже тахты нет. Где с людьми работать? А на столе, конечно, неудобно, соковат».

«Мы передавали запись парада Главного управления внутренних дел на Дворцовой площади, посвященного...»

Шурик убрал звук. Надобность в шумовом прикрытии отпала.

– Слыхала, Натаха, что Глистопад сказал?

– Нет.

– Раскрываемость повышать надо, – Стрельцов достал из стола бутылку пива и отхлебнул из горлышка. – А я превратил отдел в цветник. Усекаешь мысль?

– Не совсем.

– Информация нужна. Убойной силы.

– Мне домой пора, давай завтра.

– Тьфу... Ну что у тебя за мысли пошлые? Я с тобой исключительно из соображений любви. А информация – это так, для поддержания разговора.

– Странно. Есть информация – есть любовь, нет информации...
– Прекрати, – Шурик недовольно поднялся со своего места и спрятал Ромкин пистолет в сейф. – Выпить не хочешь? У меня калина на маньяке есть, вернее малина на коньяке.

– Нет, спасибо.

– У твоего-то когда суд?

– Через две недели.

– Передачи носишь?

– Да пошел он... Как морду бить, так мужик, я крутой, а как вляпался – сопли до колена, Натка, Натка, помоги, плохо кормят. У меня лишних «бабок» нет, перетопчется.

Наташка взяла со стола сигареты и прикурила.

– И что ты с ним нянчилась два года? Нас странными считаете, а сами? Красивая баба, все при тебе. На тебя любой мужик западет. А этот? Конь обдолбанный, без ширева через неделю копыта отстегнет.

– Не знаю, – Наташка печально посмотрела в окно. – Жалко.

Шурик пожал плечами, допил пиво и спрятал бутылку за сейф.

Телевизор беззвучно зазывал в волшебный мир прокладок, зубной пасты и колготок. Аппарат был, разумеется, ворованный и до суда, как того требует закон, хранился в органах внутренних дел в качестве вещественного доказательства. Доказательство носило красивое имя «Филлипс» и ежедневно меняло жизнь к лучшему.

Наташка, не желая возвращаться к неприятной теме, взяла пульт и прибавила громкость.

« – Привет, Серж. Я гляжу, на тебе новый прикид?

– Да, я получил за него полгода условно.

– Надо же, я за такой же отмотал пятерик от звонка до звонка. Повезло тебе, Серж.

– Ага.

Повезло Сержу, повезет и вам! Новый уголовный кодекс России!»

«У вас проблемы с головой? Она стала слаба и безжизненна? Вам поможет...»

– Да выключи ты, тошнит. Наташка нажала красную кнопку. Проблемы с головой исчезли.

– Короче, дело к ночи, разбегаемся.

– Ты меня проводишь?

Шурик строго, по-товарищески посмотрел на Наталью.

– С ума сошла, да? Тебе тоже нужны проблемы с головой? У нас трупов и без твоего хватает.

Наташка встала.

«А может, еще разок? – подумал Шурик. – Хороша, чертовски хороша. Но нет...»

– Ну, не сердись, Натали, я пошутил. Все равно, лучше не светиться вместе. Меня полрай-она знает.

Шурик погладил Наташку по каштановым волосам, провел пальцем по щеке. (А с информацией ты в сотню раз краше. Даже без косметики.) Наташка глубоко вздохнула.

– Пока, киска. – Шурик чмокнул Наташку в мягкую щечку и открыл дверь. – Найди что-нибудь. Поинтереснее.

– Постараюсь.

Шпильки застучали по коридору. Стрельцов, ты сволочь. Нельзя же так демонстративно. Согласен. Целиком согласен. Использование женской слабости в серьезном деле бесчеловечно. Но. Никакое это не использование. Есть такое слово. Актуальное и бесспорно прогрессивное. Бизнес. Деловой подход. За все надо платить. У вас, девочка, есть информация, нет любви, у нас положение сходное прямо до наоборот – нет информации, зато любви сколько хотите. Будем любить-сотрудничать?

Будем! Стрельцов не сволочь, он терапевт женской души. Он на личном богатом-пребогатом опыте знает, что надо женщине. Что надо той, что этой. Кому ласковое слово, кому – Париж.

Без обид? Без обид.

«Согласно статистике на одного жителя Санкт-Петербурга приходится 0,04 проститутки. Разве можно закрывать на это глаза? Это страшно. Засилие порнографии на наших экранах, полное отсутствие идейного начала, слепое копирование Запада...»

Гришка открыл глаза. Не отрывая головы от подушки, перевел взгляд на стену, где висел рванный динамик, пугающий статистикой.

«Да, это страшно, – Гришка потянулся и зевнул. – 0,04 проститутки на человека. Просто не представить. И главное, какие 0,04? Ладно, если по теме».

Загудел и затрясся, как непотухший вулкан, дореволюционный холодильник «Морозко». Кушать подано.

Гришка влез в тапочки, дошлепал до агрегата, дернул ручку. И чего трясется впустую? Только электричество жрет. К двум светло-коричневым яйцам и половинке свежего огурца не добавилось ничего. Гришка достал яйца, переложил их на стол.

«В Петербурге одиннадцать утра. В эфире выпуск новостей...»

Гришка натянул джинсы, вышел в коридор, толкнул двери ванной комнаты.

– Занято, сейчас.

Он опустился на соседскую тумбочку, еще раз зевнул.

– Доброе утро, Гриша, – Наташа вышла из ванной, освобождая доступ к воде.

– Привет, – кивнул Гришка и поменялся с ней местами.

Пустил воду, газовая колонка пыхнула синим пламенем, старые трубы запели сопрано. Зубной пасты, как и заведено в нормальных коммуналках, под зеркалом не было. Бесплатная паста только в телевизоре. Тройная защита всей квартиры.

После Наташки в ванной остался запах цветочного дезодоранта. «Своя комната есть, – подумал Гришка. – Там и воняй. Вдруг у меня аллергия?»

Аллергией Гришка не страдал, и с Наташкой он, в принципе, никогда не цапался. Просто возвращение из беззаботного мира сновидений в душную атмосферу реальности последнее время протекало остро и требовало эмоциональной разрядки хотя бы в виде ворчания.

Гришка подождал, пока вода прогреется, и сунул голову под струю. Выпрямился и уставился в зеркало, пытаясь выявить изменения в благородной внешности, происшедшие за ночь. Увы, кроме свежего прыща на носу и жидкой щетины на подбородке, ничего принципиально нового в облике молодого человека не появилось. Капли воды сверкали на короткой, «под бандита» стрижке (Наташкина работа), серьга в ухе чуть позеленела (позарился на дешевизну ну и получил медяшку вместо позолоты), а синяк под глазом хоть и медленно, но исчезал.

Гришке шел двадцать второй год, и биография его мало чем отличалась от биографий молодого поколения, выбирающего «пепси». До пятнадцати лет он охватывался всеобщим средним образованием, вытягивая из педагогов снисхождение в виде твердых троек, и «слонял слонов» по двору, самоутверждаясь в жизни путем курения, мордобоя и мелкого хулиганства.

Расставшись со школой, учился искусству сварщика второго разряда в профессионально-техническом лицее, затем честно тянул службу во внутренних войсках, охраняя эшелоны с трудовыми резервами, а вернувшись на место прописки, принялся искать смысл жизни, что оказалось делом весьма хлопотным и, главное, неблагодарным. Правильный смысл подразумевал «сразу и много», а получалось «долго и мало».

Искусство сварщика второго разряда, даже в случае его удачного применения, вынуждало отказаться от всех мирских наслаждений, как-то иномарок, казино, ресторанов и средиземноморских круизов. А как обойтись без круизов честолюбивому аристократу? И как, нако-

нец, избавиться от этой чертовой яичницы по утрам и прочей консервированной капусты? В общем, сваркой черепаховый суп не сварить.

Родительский кошелек богатым наследством, позволяющим сразу найти смысл жизни, тоже, увы, не радовал. Мать погибла, когда Гришке было десять лет, погибла до обидного нелепо. Ее нашли в подъезде их дома лежащей на ступенях. С ножевыми ранениями. Ее успели привезти в больницу, она успела сказать врачу, что какой-то пьяный дурак с ножом хотел отнять у нее сумку. Она не отдала, и тогда дурак ударил ее. В сумке лежал батон за двадцать две копейки и кошелек с червонцем.

Отец в больницу не успел. Мать умерла от потери крови – нужной группы для переливания не оказалось. Мать была хорошей женщиной, на кладбище приехал почти весь их дом. Гришка в силу возраста еще не осознавал, что такое смерть, считая, что мама, отец, люди вокруг будут всегда, всегда будут учителя, школа, облака и деревья. К гробу его не пустили, и мать он мертвой так и не увидел.

Отец сильно изменился, как внешне, так и внутренне, с матерью он жил по любви, новой женщины в дом не привел, что, конечно, сказалось и на нем, и на Гришке. Может, у отца и были женщины на стороне, но Гришка про это ничего не знал.

Работая водителем-дальнобойщиком, отец неделями не бывал дома, и воспитанием сына в основном занимались соседи, двор и школа. Что и привело к соответствующему итогу – в тринадцать лет Гришка попался на краже шапки из школьного гардероба. Отец, узнав про это, жестоко выдрал Гришку, потом бросил ремень на пол, заперся на кухне и вышел оттуда только через час сильно пьяный. Но на сына больше не кричал, сел на диван и тихо сказал:

«Никогда больше так не делай, Гриша. Тот, кто убил нашу маму, тоже начинал с шапок». Урок запомнился, и Гриша действительно завязал.

Та гардеробная кража была последним проявлением криминала в его жизни. Семейное фото с трехлетним Гришкой на коленях родителей, отретушированное заботливым мастером художественной съемки, чуть поврежденное временем и солнечным светом, по-прежнему висело на стене. Были еще дедушки-бабушки, но жили они далеко, мать с отцом еще в молодости приехали в Питер из глубинки искать счастья.

Гриша с отцом жили в многосемейной коммуналке, занимая двадцатиметровую комнату, перегороженную шкафом. Каких-либо попыток обзавестись отдельным жильем отец не предпринимал, хотя, наверное, и не мог ничего реально предпринять – его заработка хватало только на продукты, квартплату и одежду.

Помимо них в коммуналке размещались еще две семьи. Наташка с предками имели две смежные комнаты, а в последней по коридору комнатухе обитал тощий алкоголик Семькин по прозвищу «Обезжиренный» со своим семейством – такой же пьяницей-женой и уже начинающей «газ-квас» пятнадцатилетней дочкой Аленой.

Наташкины родители когда-то работали инженерами в крупной научной организации, но отечественная наука постепенно вытеснялась импортным шоколадом, соответственно, вытеснялись и кадры. В результате отец Наташки сейчас охранял по ночам чужие автомашины на стоянке, а мать стояла на бирже. Сама Наташка закончила курсы парикмахеров, но работы не имела, иногда обслуживая постоянных клиентов на дому. По мере отрастания волос у последних. Гришку она подстригала бесплатно в силу дружеского расположения и общего коридора.

Наташка была старше Григория на четыре года, с рождения оба жили под одной крышей, и отношения между ними нельзя было назвать просто соседскими. Но в более чем дружеские они все же не переросли, опять-таки по причине разницы возраста. Пару лет Натали бегала за каким-то вечно обдолбанным наркоманом, пока того не посадили за кражу. Непонятно, чем этот любитель забить «косяк» опутал Наташкино сердце, но других мужиков у нее не было.

Гришка вытер волосы и лицо, прополоскал рот, расправился с прыщом и вернулся в комнату. Врубил развалившийся магнитофон, воткнув кассету с «Алисой». Отдернул шторы и

выглянул в окно. Погода, как и настроение, – полное говно. Из арки их «колодца» выплыли два местных обморозка – Дыня и Боб. Дыня, как обычно, ковырялся в носу указательным пальцем, Боб что-то доказывал ему ручной азбукой. Иначе Дыня ничего не поймет. Пройдя двор, парочка скрылась в подъезде.

Однако где денег-то найти? Ну, или заработать на худой конец? Во, блин, проблема! На курево не хватает.

Дернулся глаз, напоминая о бланше и непогашенных долгах. В ближайшем будущем обещана реанимационная палата. Не хочется? Понимаем. А занимал зачем? У наших мускулистых ребят с этим строго.

Последний Гришкин источник доходов – заправку «тачек» на бензоколонке – перекрыли еще месяц назад. Пьяный водила в поисках повода для скандала заявил, что Гришка поцарапал полированное крыло его нулевого «ниссана». Гришка развел руками, пытаясь доказать свою непричастность, но тут же получил в челюсть и уже с асфальта не поднимался. Старший по колонке во избежание разборок с «деловым человеком» отмаксал сотенную в «зеленых» (еще колонку сожжет, придурок), а Гришке указал на дверь. «Да не царапал я! Я в суд подам! За челюсть и моральный ущерб!»

Гришке постоянно не везло с честными источниками. Прямо напасть. За год он сменил шесть мест службы, и отовсюду его несправедливо просили.

В мебельном магазине, где он таскал-грузил гарнитуры, лопнула труба, затопило склад, а крайним выставили Гришку, мол, поздно поднял тревогу. Ни фига ж себе! Гришка что, специалист по поднятию тревоги? Ему что, за это дополнительные центы платят?

Из гаражного кооператива, куда он пристроился после магазина, дернули «тачку», и опять Григория вызвали на ковер. «Колись, заморыш, с кем в доле? Не могла машина через шлагбаум перепрыгнуть, это тебе не кузнечик!»

В общем, непруха. Везде и в частности. Что касается нечестных источников дохода, то черту Гришка не переступал. Хотя соблазнов было как надписей на стенах в их подъезде. Как-то к Гришке зарулил сам начальник отдела кадров местной братской команды по кличке Выпрямитель и поинтересовался, не желает ли молодой человек на добровольных началах вступить в общество любителей «мерседесов» и заняться наконец мужской работой. Гарантировался бесплатный проезд в такси, бесплатная путевка на Канары (раз в год), хорошо оплачиваемые больничный и адвокат. Плюс табельное оружие, а через два года службы – личный сотовый телефон. Ну, мальчиш, пойдешь к нам, в буржуинство?

Гришка зачем-то потрогал серьгу в ухе и вежливо отказался. Обещать мы все горазды, а как до понятий – повезет, если бегаешь быстро.

Выпрямитель мило улыбнулся, извинился за беспокойство и позвонил в соседнюю дверь, оставив на всякий случай визитку с номером трубки.

Таким образом проблема сколачивания состояния являлась для Григория Александровича основной среди прочих. И разрешение ее ложилось всецело на его собственные юношеские плечи. Гришка вытер задержавшуюся в ухе капельку утреннего душа и, успокаивая себя тем, что проблемы есть у всех и не он один такой, двинул на кухню жарить яичницу.

В конце концов, не будь у человечества проблем, оно давным-давно вымерло бы, а если б и выжило, то до сих пор стирало бы белье в проруби и понятия не имело про стиральную машину «Индезит».

Срачивание преступного элемента с властными структурами района происходило в бывшей пирожковой «Колобок», где ныне размещались лечебная сауна, небольшой конференц-бар, несколько номеров люкс и, конечно, бильярд.

Со стороны преступного мира на срачивании присутствовал авторитет районного значения, упитанный и лысоватый мордovorот под псевдонимом Брандспойт, в миру – Виктор

Павлович Угрюмов, коммерческий директор фирмы, названия которой не знал никто, в том числе и сам Виктор Павлович.

Со стороны властей прибыл скоррумпированный начальник территориального отдела милиции, подполковник Листопад Герман Андреевич.

Протокол встречи вел кадровик Выпрямитель, записывая разговоры на магнитофон в кладовой.

От прессы не присутствовал никто, событие было рядовым.

Хозяину заведения предварительно велели убратся, внеся плату за аренду сауны вперед.

В текущую секунду срачивание переместилось из сауны в конференц-бар, за круглый мраморный столик, накрытый искусным кулинаром-самоучкой из числа братвы. Пар клубами поднимался над раскрасневшимися телесами, пузырьки играли в специальных пивных кружках, молодые массажистки в люкс-кабинках поправляли макияж, ожидая своего часа.

Вопросы на повестке дня стояли довольно традиционные, но с ними покончили еще в сауне, а сейчас занимались проблемами из пункта «Разное».

Брандспойт отпил пивка и смахнул с губ пену.

– Вот еще, чуть не забыл, Герман Андреевич. Мне бы ребят твоих пяток, не больше. Девочек поохранять. Ну, чтобы в форме, с оружием. А то полиция нравов последнее время немного душит, а дурни-охранники сразу пасуют. Оплату гарантируем, ребят не обидим.

– Вопросов никаких. На всякий случай пришли письмо на мое имя. Так и так, для охраны мероприятия прошу выделить сотрудников в количестве пяти штук. У нас сейчас борьба с коррупцией, только свист стоит от летающих фуражек.

– Конечно. Завтра же направляю. А деньги? Переводить на счет?

– Грешно смеяться над язвами общества, Виктор Павлович.

– Хорошее пиво, – пропустив замечание мимо ушей, вновь приложился к кружке Угрюмов. – Угощайся, Герман Андреевич.

Листопад отведал холодного напитка.

– Нас квартирные кражи замучили. По пять в день. Раскрываемость ни к черту. Не твои беспредельничают?

– Что ты, Герман Андреевич. Этот бизнес нерентабелен. Гопота или урки бомбят. Пьянь засиженная, не могут нормальным делом заняться, вот и издеваются над налогоплательщиками. Я скажу своим пацанам, они быстро разыщут, и безобразия прекратятся.

– Только Бога ради, не на нашей территории. А еще лучше явочки с повинной с них поиметь да в отдел привезти.

– Ну ладно, – добродушно согласился Брандспойт. – Нам без разницы. Но тогда и ты своих уйми. Что там у тебя за опер такой – Стрельцов? Пацаны жалуются – прохода нет. Натуральный обморозок с «ксивой», можно сказать. Про все «стрелки» знает, на задержаниях сразу в морду лупит. Ну, скажи «руки вверх», пацаны на рожон не полезут, но в морду-то зачем? А на днях что учинил, слышал? Мои орлы в кабаке немного перебрали, погорячились. Мужик у табла расквасили да «лопатник» забрали. Ну и попались – мозгов-то... Мы с мужиком поговорили, объяснили все по жизни, чтобы не вздумал опознать. Так этот ваш беспредельщик знаешь что придумал? Он на опознании двух негров посадил и пацана нашего! Тут даже слепой опознает. И в «Кресты» пацана за сраный «лопатник»! Угомони, прошу. Под операцию «Чистые руки» подведи или просто уволь.

– Попробуем. Стрельцов, если честно, мне пока нужен. Он хоть и обмороженный, а все «мокрухи» на территории поднял. Но угомонить угомоню, постараюсь.

– И стукачков его среди наших хорошо бы приметить. Чтобы лишнего чего не пронюхал.

– С этим сложнее. В информационный центр он гонит сплошную липу, а стукачков своих нигде не светит. По слухам, он на связи держит только баб. А твои бараны при бабах трепятся без стеснения.

Брандспойт бросил в рот пару хрустящих чипсов, разжевал и запил пивом.

– Шары погоняем?

– Опять на шелбаны?

– Так на деньги только пацаны бестолковые играют.

Кий ударил по шару.

– Плохо разбил, Герман Андреевич, не обессудь. Оп-ля!

Шар затрепыхал в лузе.

– Тут ваш ОБЭП накрыл пару наших точек по сбыту левых кукол «Барби». Товар расходился весьма неплохо. Читал, наверное, в газетах. «Барби-алкоголичка», «Барби-на-игле», «Беременная Барби». Нельзя узнать, что там в перспективе? Может, спустят на тормозах? Оп-ля!

Два – ноль.

– Сделаю.

– А как насчет операций? Ничего не предвидится? Оп-ля! Три – ноль.

– С первого на три дня объявлен «Гастролер», а с пятого – «Допинг».

– Понятно. Кстати! Водочку вы третьего дня с производства сняли, а цех опечатали.

Нельзя ли все же пустить в реализацию продукт? Эх... Промазал. Прошу.

Ноль – три.

– Увы, Виктор Палыч, слишком поздно. Он уже реализован. Оп-ля! Вынимайте. Один – три.

– Тяжелый шар, но попробую... Как думаешь, Виктор Палыч, проскочит от борта?

– Попробуй.

– К слову сказать... Пришла директива произвести ремонт отдела под евростандарт. Могу телеграмму принести, если не веришь. Слово офицера! А за чей счет, почему-то не сказано. Не сделаешь ремонт – выгонят к чертям на пенсию. Обидно. Я прикинул на глазок, в лимончиков тридцать-сорок уложимся. Ну-ка... Оп-ля!

Два – три.

– Думаю, проблемы нет. Завтра же подберем спонсоров.

– Ну и прекрасно. А то не хотелось бы на пенсию.

– Да кому ж охота?

– Ох, какой шарик! Картинка!

– А может, прервемся на время? А то войдешь в азарт. Бильярд спешки не терпит. У нас остался всего час, тут строгий график, в двадцать два приедут коммерсанты. Париться. А мы еще с массажем не закончили. У меня последнее время поясница побаливает. У тебя не шалит?

– Шалит.

Герман Андреевич воткнул кий в подставочку и вернулся к столу. Взял запечатанную бутылку аперитива, два хрустальных фужера и, поправив простынь на том месте, где когда-то была талия, пошлепал босыми ногами в номер люкс.

– Кто ж это тебе, Гришенька, такой чудесный фонарик нарисовал? Крутой Уокер?

Ленка наклонила кудрявую головку и прищурила глазки.

– Это макияж. Конкурс визажистов. – Гришка явно смутился, застигнутый Ленкой врасплох.

– Надо же. А я думала, ты вступился за даму сердца и спас ее из лап бандитов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.